

ДОМ НАЧИНАЕТСЯ С ДОВЕРИЯ

Что я понял за 25 лет стройки —
о людях, материале и месте

АЙДАР МИНГАЗОВ

СОЮЗ АРХИТЕКТОРОВ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Айдар Мингазов

Дом начинается с доверия

<https://litres.ru/73998631>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать пять лет Айдар Мингазов строит дома — руками, головой и характером, но никогда буквами. «Дом начинается с доверия» — его первая книга, написанная за полтора года из заметок, дневниковых записей и устных рассказов с объектов.

Это не учебник по стройке и не сборник советов. Это честные истории из практики: о первом доме, который доверили двадцатилетнему студенту по одному звонку; о заказчиках, бригадах, ошибках и сроках; о том, что между чистым проектом и реальными ключами лежит целая жизнь. Автор пишет не как архитектор, который сдаёт идею и уходит, а как строитель, который отвечает за результат — и через пять лет приезжает посмотреть, почему у клиента трещина по фасаду.

Книга обращена к молодым специалистам, к заказчикам частного строительства и ко всем, кто хочет понять, как устроена стройка изнутри — глазами человека, который проводит её в реальном времени, а не на бумаге. О людях, материале, месте и о том главном, с чего всё начинается, — о доверии.

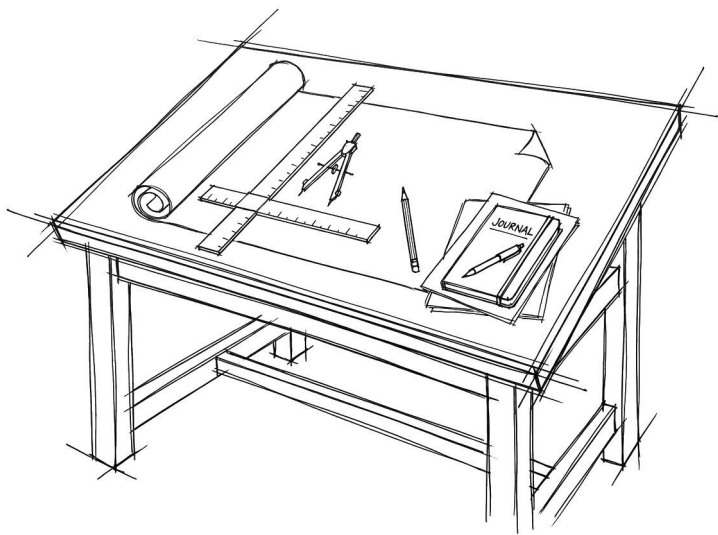
Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	12
ИНТЕРЛЮДИЯ УТРО	24
ГЛАВА ВТОРАЯ	27
ИНТЕРЛЮДИЯ ВАГОНЧИК	39
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дом начинается с доверия

ПРОЛОГ

ПОЧЕМУ СТРОИТЕЛЬ

Эту книгу я долго не хотел писать.

Не потому, что нечего сказать. А потому, что я строитель,

а не писатель. Двадцать пять лет работаю руками, головой и характером, но никогда — буквами. Буквы для меня — это пометки в проекте, заявка на цемент, акт скрытых работ. Не книга.

Меня уговаривали разные люди в разное время. «Айдар, у тебя такие истории, ты должен это записать». Я отмахивался. Какие истории. Истории — у писателей. У меня — объекты, бригады, сроки и сметы.

Потом случились две вещи.

Первая — мне исполнилось сорок пять, и я как-то сел и посчитал, сколько домов прошло через мои руки. Получилось около сорока крупных и ещё столько же мелких. Сорок крыш, под которыми сейчас спят люди. Сорок историй, у каждой из которых был свой первый разговор с заказчиком и свой последний день сдачи. Я понял, что половину толком уже не помню, а вторую половину — могу забыть в любой момент.

Вторая — ко мне приехал молодой парень. Не подмастерье даже — студент. Мы сидели на объекте, пили чай из термоса, и он спросил: «Айдар Ринатович, а как вы решаете, кому доверять?» Я начал объяснять. Говорил минут сорок. Он слушал, кивал, записывал в телефон. Потом ушёл. И я подумал — а ведь я ему сейчас, на коленке, за термосом, рассказал то, до чего сам шёл двадцать лет. И никогда нигде этого не записывал.

С этого момента я начал писать.

Не сразу книгу. Сначала просто заметки в телефон: на стройке, в машине, перед сном. Что вспомнилось — то и записал. Так за полтора года накопилось страниц триста. Из них я выбрал то, что показалось мне важным не только для меня, а для того молодого парня, который сидел у меня на объекте с термосом. И ещё для тех, кто, может быть, никогда не строил ничего, но собирается. Или уже строит и в чём-то сомневается. Или живёт в доме, который кто-то построил, и хочет понять, как это вообще делается — изнутри, без рекламы.

ПОЧЕМУ «СТРОИТЕЛЬ», А НЕ «АРХИТЕКТОР»

Тут надо сказать сразу, чтобы не было путаницы.

Я не архитектор по образованию. По диплому я инженер-строитель. После девятого класса — Казанский строительный техникум, специальность «Строительство зданий и сооружений». Потом — КГАСУ, факультет промышленного и гражданского строительства. С 2001 года перешёл на заочное и пошёл работать на объект. С того года и считаю свой стаж — двадцать пять лет в этом году. Четверть века.

То есть я не сидел в проектных мастерских, не чертил годами в чистом кабинете, не выходил на стройку как гость. Я с двадцати лет внутри стройки. Сначала по учебникам, потом по реальным объектам, потом по руководству — но всегда

оттуда, изнутри.

Но я руковожу архитекторами. В моей организации работают архитекторы, дизайнеры интерьера, конструкторы, инженеры по сетям — вода, тепло, электрика, вентиляция, — сметчики, прорабы, технический надзор, руководители проектов. То есть полный цикл под одной крышей: от первого эскиза до сданного объекта.

Это не уникальная схема. Проектная мастерская внутри строительной организации, а не наоборот, — встречается часто. Но мне важно объяснить, почему я устроил работу именно так.

Архитектор, который рисует проект и потом уходит, — он не несёт ответственности за то, как это построится. Дизайнер интерьера, который рисует красивую визуализацию, — не несёт ответственности за то, что это окажется невозможно смонтировать руками прораба. Инженер-сетевик, который в чужом бюро провёл трубы там, где их нельзя провести, — больше никогда об этом не узнает, его проект сдан.

А я несу. И за проект, и за интерьер, и за сети, и за стройку. Сначала мы рисуем, потом я это же строю — и если в проекте была глупость, мне же её исправлять на объекте за свой счёт. Это сильно дисциплинирует всех в команде, начиная с меня. Каждый знает, что завтра я выйду на стройку и увижу его решение вживую. А я знаю, что не могу свалить на «проектировщика» — потому что проектировщик это я и есть, в конечном счёте.

Так вот, возвращаясь к выбору слова.

Архитектор — это про идею. Про лист бумаги, про красивую визуализацию, про чистое пространство, в котором ещё ничего не построено и поэтому ещё ничего нельзя испортить. Архитектор сдаёт проект и уходит. Дальше его дело — приехать на открытие, постоять рядом с заказчиком, дать интервью. Это уважаемое дело. Без архитекторов не было бы половины городов.

Но строитель — это другое.

Строитель — это про то, что между проектом и ключами. Между чистой идеей и тем, как оно реально стоит, скрипит, дышит и течёт. Строитель — это тот, кто ночью в марте, когда минус десять, едет на объект, потому что бригадир позвонил, что котёл встал. Это тот, кто на свои деньги перделывает гидроизоляцию, потому что подрядчик схалтурил, а заказчик про это даже не узнал. Это тот, кто через пять лет после сдачи поднимает трубку и едет смотреть, почему у клиента трещина по фасаду.

Я не против архитекторов. Архитекторы и дизайнеры у меня в команде, и я их жалею и берегу. И в Союзе архитекторов Татарстана я почётный член — что, между прочим, для строителя редкость. Но книга — не про идеи. Она про то, что идею держит. Про материал, про людей, про место и про доверие. Поэтому — строитель.

И в этой книге я прошу называть меня именно так.

ЧТО Я ОБЕЩАЮ И ЧЕГО НЕ ОБЕЩАЮ

Я не обещаю, что после этой книги вы сами сможете построить дом. Не сможете. Это нечестное обещание, и я не буду его давать.

Я не обещаю инструкцию. Не обещаю свод правил. Не обещаю, что если делать как я — будет так же. У вас будет по-своему, потому что у вас другие руки, другая голова, другие люди вокруг и другая земля под ногами.

Я обещаю одно: рассказать честно. Без украшений и без позы. Что у меня получилось — расскажу. Что не получилось — расскажу тоже, и иногда подробнее, чем про получившееся. Потому что на ошибках учатся лучше, чем на победах. Победы — они часто случайные, а ошибка — она всегда чему-то учит, если ты честен с собой.

Обратите внимание: в книге много историй, в которых я меняю имена. Это не потому, что я что-то скрываю. Это потому, что у меня нет согласия от всех людей, с которыми я работал, на то, чтобы их называть. Заказчики, прорабы, бригадиры, соседи — у каждого своя жизнь, и не моё дело тащить их в свою книгу под их собственным именем. Поэтому если вы узнаете в каком-то персонаже знакомого — может, это правда он, а может, и нет. Я не подтверждаю и не опровергну.

КАК ЧИТАТЬ

Книга устроена просто. Двенадцать глав — по большим темам. Между главами — короткие интерлюдии, которые я для себя называю «остановками». Это не главы, а скорее зарисовки. Иногда про предмет, иногда про сцену, иногда просто про утро. Их можно читать, можно пропускать. Я бы не пропускал.

В книге нет правильного порядка. Можете читать с начала, можете с середины, можете открыть наугад. Я пытался построить её так, чтобы каждая глава стояла отдельно — как дом стоит отдельно от соседнего, со своим фундаментом.

Если в какой-то главе вам покажется, что я повторяюсь — это, скорее всего, не случайно. На стройке есть вещи, которые повторяются. Доверие, материал, ошибка, место. Они проходят через все объекты, через всех людей. Я не буду от этого уходить.

С ЧЕГО ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ

В заголовке книги — слово «доверие». Я долго его выбирал. Рассматривал другие — «опыт», «честность», «руки». Но остановился на доверии, потому что это слово охватывает всё остальное.

Дом нельзя построить в одиночку. Дом строит команда. Команда работает, если внутри неё доверие. Заказчик подписывает акты, если он доверяет. Сосед не пишет жалобу в администрацию, если он доверяет. Подрядчик не подсовывает дешёвый материал, если он знает, что ты ему доверяешь и завтра возьмёшь его на следующий объект.

Всё это — доверие. И всё это нельзя купить, нельзя оформить договором, нельзя прописать в смете. Можно только заработать. Долго, медленно, по одному кирпичу.

С этого книга и начинается.

Айдар Мингазов Казань, 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МОЙ ПЕРВЫЙ ДОМ Я НЕ ПОСТРОИЛ

A.R. Mingazov

Это важно сказать в самом начале, чтобы не было путаницы. Я его спроектировал, я его согласовал, я нанимал на него бригады, я выгонял одних и искал других, я два года провёл на этом объекте почти в одиночку, я сдал его заказ-

чику и услышал от него сдержанное «спасибо, считаю, дом удался». А через десять лет заказчик уехал навсегда обратно в Испанию, и сегодня этот дом стоит в центре Казани заброшенный, выглядит несовременным, и, если честно, смотрится рудиментом среди новых зданий вокруг.

И всё равно — когда меня спрашивают, какой дом в моей жизни был самым важным, я всегда отвечаю: этот. Первый.

Потому что он построил меня.

Мне тогда было двадцать лет.

Я учился в строительном вузе, и параллельно уже работал — прорабом в строительной организации. Сегодня это звучит почти невозможно: студент, который днём сидит на лекциях, а вечером проверяет, ровно ли бригада уложила плитку. Но в 2001 году в Казани так было можно. Людей с опытом не хватало, стройка росла быстрее, чем кадры, и молодых, готовых лезть в грязь и принимать решения, брали без раздумий.

Я лез в грязь охотно. Мне нравилось всё: запах цементного раствора, стук молотка по арматуре, голоса рабочих, которые обсуждали на перекуре что угодно, кроме работы. Мне нравилось быть среди людей, которые строят. Не рассуждать о строительстве, не рисовать его на бумаге, а делать руками.

Я и сейчас, если честно, считаю себя строителем в первую очередь. А уже потом — проектировщиком, руководителем организации. Строитель — это тот, кто отвечает за то, что его дом стоит. Проектировщик может позволить себе краси-

вую идею, которую кто-то другой будет претворять в жизнь. А строитель — нет. Строитель остаётся с землёй, с бетоном, с рукой прораба и со своей совестью. И с этой меркой я с двадцати лет живу.

Однажды — кажется, была поздняя весна — один мой знакомый сказал, что есть человек, который хочет построить дом.

— Он сейчас в Испании, — сказал знакомый. — Но планирует вернуться в Россию. И ему нужен тот, кто спроектирует и построит.

— А почему я? — спросил я. Это был самый честный вопрос, который я мог задать.

— А почему не ты? — ответил он.

И я не нашёл, что возразить.

Всё. Так это и началось.

Заказчика я до этого немного знал, но шапочно. Ему было около сорока. Биржевой трейдер. Десять лет прожил в Испании. Решил, что хочет посещать Россию — и хочет, чтобы его ждал дом.

Первый наш разговор состоялся по Skype. Для 2001 года это был почти фантастический сюжет. Он появился на экране — лицо внимательное, немного усталое, без улыбки. Не тратил времени на разговоры ни о чём.

— Мне сказали, что вы можете спроектировать и построить.

— Постараюсь.

— У меня есть участок. В центре Казани.

Я кивнул. Всё остальное он рассказал быстро, коротко, по делу — стиль трейдера, который привык считать секунды. Но одна вещь меня поразила сразу: он не стал меня проверять. Не попросил портфолио, не попросил резюме, не спросил, где я учусь и где работал. Общий знакомый сказал — значит, хорошо.

Когда разговор закончился и экран погас, я ещё долго сидел и не мог понять, что только что произошло. Мне только что доверили дом. Настоящий, большой, в центре Казани. Мне, двадцатилетнему студенту, который, если честно, ни одного самостоятельного дома в своей жизни ещё не построил.

Я потом много лет думал — почему. Почему он мне доверился.

И лучший ответ, к которому я пришёл, такой: он хотел мне помочь. Он понимал, что я только начинаю, и знал, что в благодарность я буду работать честно и основательно. Не на показ, не ради строки в портфолио — а так, как работают, когда тебе доверили.

Это, пожалуй, и стало главным открытием моей первой главы в профессии: иногда заказчик платит тебе не деньгами. Он платит тебе шансом. И это дороже.

Через несколько недель я в первый раз вышел на сам участок.

Было лето. Я шёл по пешеходной улице, свернул в пере-

улок, и ещё до того, как увидел участок, услышал звон колоколов соседней церкви. Колокола звонили громко, близко, по-настоящему — так звонят только в самом центре города. И я шёл, слушал этот звон, и первая мысль, которая пришла мне в голову, была: разве здесь вообще возможно строить частный дом?

Самый центр Казани. Старинная церковь. Исторические дома вокруг. И — заросший пустырь на двадцать соток, прямоугольный, с небольшой канавой посередине, укрытый травой выше пояса и заваленный мусором.

Я сделал несколько шагов по траве и понял, куда именно попал. Участок был импровизированной свалкой, тут пахло отхожим местом, и судя по количеству пустых бутылок, здесь постоянно собирались местные, которым больше нигде было собираться.

Я стоял посреди этих бутылок, слушал колокола и пытался представить, как на этом месте будет стоять дом. Двухэтажный, с натуральной черепицей на кровле, с облицовочным кирпичом по фасаду, с большими окнами.

Не получалось.

Первый эскиз я делал почти что наугад. У заказчика были какие-то представления о планировках — он присылал мне по почте схемы, исчерканные его рукой. В ходе обсуждений эти планировки поменялись кардинально. Но три вещи он знал точно и не собирался уступать: два этажа, скатная кровля с натуральной черепицей, стены из керамическо-

го кирпича.

Сегодня это может прозвучать как стандартное пожелание, но в 2001 году в Казани натуральная черепица была редкостью. Это был выбор человека, который десять лет прожил в Испании и привёз оттуда не вкус к морю и апельсинам, а вкус к материалу. К честному, дышащему, долговечному материалу.

Он не хотел привозить с собой Испанию. Он хотел привезти оттуда ощущение подлинности.

Это я понял не сразу.

Сильнее всего мы столкнулись на коридорах.

Его первые планировки были классическими для русского представления о «солидном доме»: длинные коридоры, квадратные залы, двери, двери, двери, и в каждой комнате — одно окно, потому что так положено. Я смотрел на эти чертежи и чувствовал, что внутри что-то протестует.

Я не мог понять, почему. И однажды в очередном разговоре вырвалось:

— Зачем жить в тёмном чулане, если можно жить в светлых, лёгких помещениях?

Он помолчал. Потом сказал, что подумает.

«Подумать» растянулось на несколько недель. Мы разговаривали по Skype снова и снова, я рисовал альтернативные планировки — без коридоров, с окнами в каждой комнате, с перетекающими пространствами. Он сопротивлялся.

И вот однажды он вдруг сказал:

— Слушай. А ведь в Испании действительно так. Коридоров почти нет. И мне это нравится.

Я тогда впервые понял одну важную вещь про эту профессию. Задача строителя — не переспорить заказчика. Задача строителя — помочь заказчику услышать самого себя. У этого человека уже было десять лет памяти тела, привыкшего к средиземноморской планировке. Он уже знал, как ему хорошо. Но он приехал с этим знанием в страну, где «положено» жить иначе, и почти позволил этому «положено» перекрыть собственный опыт. Моя работа была не навязать ему свет. Моя работа была напомнить ему, что он уже любит свет.

Количество комнат в итоге осталось таким же, как он хотел. Но коридоры мы убрали. Все помещения получили окна. Дом должен был дышать воздухом и светом — особенно потому, что человек возвращался из солнечной Испании в холодную пасмурную Россию, где солнца и так катастрофически не хватает.

Сначала мы договорились, что я сделаю только проект.

Но в какой-то момент заказчик спокойно сказал:

— Найми бригады сам. Контролируй стройку. Я доверяю тебе.

Я кивнул через экран. А потом понял, что мне только что отдали ключи.

Двадцать лет. Студент. Прораб в чужой строительной организации. И — полная ответственность за объект в центре Казани, у человека, который сейчас сидит в Барселоне, а

приедет только через несколько месяцев.

Я не мог отвлечь людей со своей основной работы. Пришлось искать бригады самостоятельно. Это был отдельный университет.

Первыми пришли бетонщики. На фундамент.

Стройка всегда начинается с земли. С ямы, с песка, с бетона, с армокаркаса, который уйдёт вниз и спрячется, и которого потом больше никогда никто не увидит. Именно поэтому на фундаменте чаще всего и срезают углы.

Бригада пришла уверенная. Все как один говорили, что работают уже по двадцать лет, что они — «мастера высшей категории», что любой фундамент им по плечу. Я слушал и хотел верить. Мне было двадцать, мне было страшно, мне хотелось, чтобы взрослые люди взяли ситуацию в свои руки.

Я подошёл к котловану, когда они уже довели армокаркас почти до готовности. И увидел две вещи.

Первая: армокаркас был связан не по проекту. Не тот шаг арматуры, не те перехлёсты, не те вязки. Это не было катастрофой на глаз — на глаз это выглядело как «ну, сетка». Но по проекту это было уже другое изделие. Другая несущая способность. Другой фундамент под будущий двухэтажный кирпичный дом.

Вторая: опалубка стояла криво. Не настолько, чтобы взорвались нервы, но достаточно, чтобы я понял — если залить сейчас, геометрия дома поедет уже с фундамента. А всё, что наверху, будет ездить следом.

Я стоял над этим котлованом и внутри меня в первый раз в жизни зазвучал тот голос, который потом я буду слышать на каждом объекте: очень тихий, но очень внятный. Голос, который говорит: останови.

Это была странная, взрослая минута. Человек вдвое старше тебя, с каменным лицом, говорит, что он мастер, — а ты, двадцатилетний, стоишь и видишь, что арматура связана не по проекту. Ты понимаешь, что сейчас нужно его останавливать. Увольнять. Потому что на фундаменте в центре Казани, под дом из керамического кирпича, под человека, который доверился тебе через Skype, — «почти правильно» недопустимо.

Я остановил. Был скандал, были крики, обещания «ещё встретимся», нарочито обиженные жесты. Бригадир говорил, что «в России так все делают», что «никто не придирается», что «я у двадцати заказчиков так же связывал — и всё стоит». Я слушал и понимал, что именно это мне и не нужно слышать. Дом, которому нужно «так все делают», — это не наш дом.

И там, над этим котлованом, я понял ещё одну простую вещь, которую я всегда говорю молодым. Самое важное решение на стройке ты принимаешь не в день сдачи. Ты принимаешь его на фундаменте. Если ты на этом этапе согласился на «почти», — дальше ты будешь соглашаться всю жизнь. А если ты остановил, отказался, пошёл искать других, — значит, этот дом у тебя будет стоять честно.

Бетонщиков я поменял. И с их заменой переделали и армокаркас, и опалубку, и уже залитый нижний ярус бетона пришлось частично вскрывать. Это стоило денег, времени и нервов. Но это был мой первый настоящий выбор как строителя — не идти на компромисс там, где его не должно быть.

Дальше пришли каменщики.

Эта бригада начала на стенах. И здесь вся история с «высочайшей квалификацией» повторилась ещё раз. Но теперь я уже знал голос внутри. Я знал, что если шов гуляет и ряд заваливается, — я не должен себя успокаивать, что «я ещё молодой, может, я неправ». Я остановил. Был скандал.

Я искал следующую бригаду каменщиков. Она оказалась лучше по рукам, но часто просто не выходила на работу. По две недели не было людей на объекте. Погода уходила, лето заканчивалось, а стен не прибавлялось.

Я приезжал каждый день. Смотрел на пустую площадку и понимал — я сейчас теряю деньги заказчика. Его время. Его доверие. Мне было двадцать, и я в первый раз в жизни почувствовал себя ответственным не просто за работу — а за того человека, который мне поверил.

Когда стройка шла хорошо, я чувствовал себя строителем. Когда стройка стояла, я чувствовал себя самозванцем.

Но я не сдавался. Увольнял бригады. Искал новых. Ездил по объектам, где кто-то работал, и переманивал. Обещал честную оплату, хорошее отношение, и — что важно — обещал, что буду требовательным. Потому что понял уже тогда:

хороший мастер ценит не мягкого заказчика. Он ценит того, кто видит, что сделано хорошо.

Дом строился долго. Были моменты, когда я ночами не спал. Были моменты, когда я приезжал на объект в пять утра — не потому, что нужно было, а потому что не мог лежать дома. Были моменты, когда я переделывал что-то своими руками — не потому, что умел, а потому что другого выхода не было.

Через два года дом был готов.

Заказчик приехал на сдачу. Мы прошли по всем комнатам. Он смотрел, кивал, трогал стены, открывал окна. Потом сказал сдержанно:

— Спасибо. Считаю, дом удался.

Это были самые важные слова в моей жизни.

Я не знал тогда, что через десять лет этот человек уедет обратно в Испанию навсегда. Что дом опустеет. Что он состарится быстрее, чем я думал. Что когда я через годы буду проезжать мимо, он будет смотреться чужим.

Но в тот день, когда я передал ключи, я понял одно. Дом построил меня. Не я его — он меня.

Он научил меня останавливать. Он научил меня не соглашаться на «почти». Он научил меня искать людей, которым можно доверять. Он научил меня приезжать в пять утра и стоять над пустой площадкой, потому что другого способа справиться с тревогой не было.

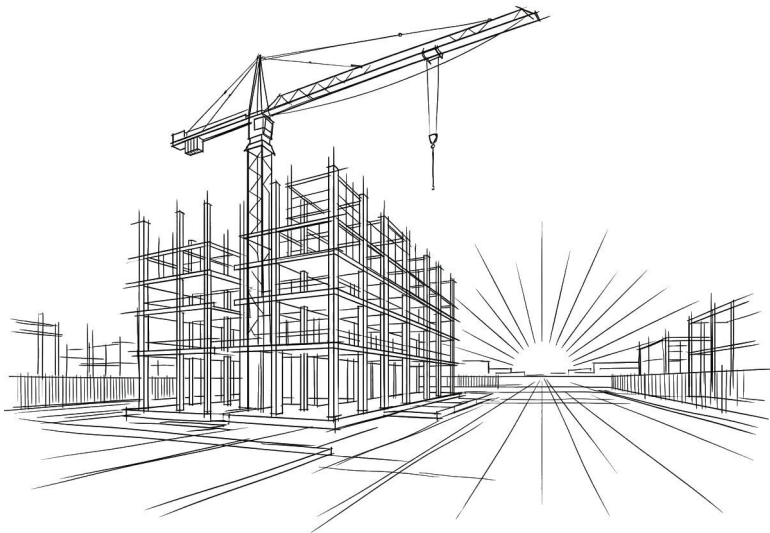
Всё, что я делаю сейчас, — всё началось там. На том пу-

стыре в центре Казани, который пах отхожим местом и был завален бутылками. На том котловане, над которым я в первый раз сказал «нет». На той стройке, где я в двадцать лет понял, что такое ответственность.

Мой первый дом я не построил. Я его отдал заказчику, а он отдал его времени.

Но я построил себя. И с этим я теперь живу.

ИНТЕРЛЮДИЯ УТРО

Я приезжаю на объект в полшестого утра.

Не всегда. Не каждый день. Но часто. Особенно когда стройка на сложном этапе — заливка, монтаж кровли, подключение инженерии. В такие дни я выхожу из дома в темноте, еду по пустому городу, и к тому моменту, как подъезжаю к площадке, солнце только начинает подниматься.

На объекте в это время никого. Бригады придут в семь.

Прораб — в половину седьмого, если он пунктуальный. А я — в полшестого. У меня есть эти тридцать минут, когда площадка принадлежит только мне.

Я обхожу её медленно.

Не глазами руководителя — глазами хозяина. Тут лежит арматура, накрыли её или нет. Тут оставлен инструмент, никто его не унёс. Тут вчера была лужа, ушла ли вода. Тут возле фундамента — следы. Чьи? Чужие? Свои? Хорошо, если свои.

Иногда нахожу что-нибудь, что бригада оставила небрежно. Шуруповёрт под открытым небом. Мешок цемента, который не успели затащить под крышу, и теперь его придётся выбрасывать. Окурки в опалубке. Эти мелкие провинности я никогда не разбираю в полшестого утра. Просто фиксирую. Потом, когда придут — спокойно скажу.

В полшестого я ещё не злюсь. В полшестого вообще ни на что не сердисься. Это привилегия раннего утра — у тебя ещё нет повестки дня, ты ещё не накопил никаких претензий. Стройка перед тобой лежит как вчерашняя страница, которую можно перечитать без эмоций.

Иногда я обхожу её два раза. Второй раз я уже ничего не записываю. Просто смотрю, как солнце поднимается над крышей соседнего дома. Как стена, которую вчера только подняли, на свету выглядит совершенно иначе. Как тень от крана движется по площадке.

Я раньше думал, что это блажь — приезжать в полшесто-

го. Что это просто привычка, оставшаяся с молодости, когда я был прорабом, и мне физически надо было успеть проверить всё до прихода рабочих. Сейчас понимаю — нет. Это не привычка. Это потребность.

Потому что днём стройка тебе не принадлежит. Днём она принадлежит бригадам, заказчику, поставщикам, погоде, графику. Тебя дёргают со всех сторон, ты решаешь по сто вопросов в час, и к вечеру ты выходишь с площадки с ощущением, что ты весь день был кем-то, но не собой.

А в полшестого ты — это ты. И стройка — это стройка. И между вами никого. Только сырой воздух, скрип под ногами и пар изо рта осенью.

Это и есть мои тридцать минут собственной профессии. Без заказчика. Без бригад. Без бумаг.

Только дом, который ещё не проснулся, — и я, который уже проснулся.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БУМАГА ВСЁ СТЕРПИТ, ЗЕМЛЯ — НЕТ

Есть фраза, которую на стройке произносят хмуро, под вечер, не для новичков. Она звучит так:

— Бумага всё терпит. Земля — нет.

Я услышал её мальчишкой, прорабом двадцати лет, от ста-

рого мастера. Он сказал её между затяжками, глядя поверх свежей опалубки. Я запомнил интонацию раньше смысла. Смысл приходит потом — не в офисе над чертежом, а на площадке, когда геодезисты уже вбили колышки, и появляется заказчик:

— А давай-ка вот сюда подвинем.

С этого момента бумага перестаёт быть бумагой. Она становится только одним из мнений.

Эта история — про дом, который я строил в 2023 году в коттеджном посёлке под Казанью.

Дом получился. Заказчик доволен. Хороший дом, который мог быть прекрасным.

Особенность в том, что заказчиком был мой наставник.

Когда я начинал, в начале нулевых, был человек, на которого молились все: заслуженный строитель Татарстана, собственник компании. Пятьдесят лет в профессии. Ко мне, зелёному, он относился с доброжелательным покровительством: немного подшутить, немного научить, немного послать — но никогда не унижить.

Я у него учился. Не по книжке, а стоя рядом на площадке. Как он разговаривает с бригадиром. Как смотрит на шов. Как молчит, когда ему не нравится, — его молчание было красноречивее ругани.

Прошло двадцать с лишним лет. Я стал самостоятельным строителем, у меня своя организация, свой язык в профессии. Наставник вышел на пенсию. И в 2023 году позвонил:

— Хочу построить дом. Современный. Красивый. Сыну, невестке, внукам. Возьмёшься?

Я взялся. Как откажешь человеку, который тебя учил?

Участок был непростой — коттеджный посёлок девяностых. Вокруг стояли дворцы прошедшей эпохи: высоченные заборы, башенки, балюстрады, колонны на воротах. Всё то, что двадцать лет назад считалось роскошью, а сегодня смотрится музейным экспонатом.

На этом фоне нужно было поставить современный дом.

Задача была интересная: сделать красиво рядом с некрасивым. Не поспорить с соседями, но и не стать одним из них. Чтобы через двадцать лет, когда дворцы окончательно устареют, наш дом ещё смотрелся бы нормально.

Я проделал эту работу. Одноэтажный дом с подвалом, триста квадратов, выверенные пропорции, продуманная посадка. Дом «прижимался» к дороге — это была осознанная позиция. Сзади оставался большой приватный двор — сад, терраса, место, где живёшь без чужих глаз. Спереди — короткий разговор с улицей, без лишней парадности.

Заказчик посмотрел, одобрил. Проект утвердили.

День разбивки на стройке — почти праздничный. Геодезисты разматывают рулетки, ставят теодолит, бьют колышки, натягивают шнур. Объект начинает существовать в материале.

Я люблю этот день. Он, пожалуй, самый честный из всех. Приехали геодезисты, начали работать. Приехал заказ-

чик. Постоял, походил вокруг. Я уже почувствовал, что что-то не так — в нашем деле эти паузы, эти хождения вокруг колышка говорят больше слов. Он подошёл:

— Я не понимаю, зачем ставить дом так близко к дороге.

Я объяснил: так работает композиция. Сзади большой двор, приватный, на нём разместится сад и терраса. Современный дом должен разговаривать с улицей коротко, а жить — внутрь. Проект утверждён, мы его месяц выверяли.

Он послушал. Потом сказал:

— Не заговаривай зубы. Я ничего страшного в этом не вижу.

Вот это «не заговаривай зубы» — я его хорошо запомнил. В нём всё: наставническое «слушай», снисхождение старшего, полнейшее равнодушие к композиционной логике, абсолютная уверенность в праве решать. Он пятьдесят лет видел, как ставят дома, а ты, мальчик, всего двадцать.

Он был в своём праве. Это его дом. Его деньги. Его участок.

Но меня накрыло другое.

Я всегда считал, что убеждать — моя сильная сторона. Я умею объяснить, умею подобрать аргументы — одному про композицию, другому про солнце, третьему про гамак. За двадцать с лишним лет я, кажется, никогда не чувствовал себя беспомощным в таком разговоре.

А тут я почувствовал.

Я настаивал. Пытался объяснять ещё. Зайти с другой сто-

роны — через приватность двора, через солнце, через композицию. И увидел: мы идём к скандалу. Если я продавлю — мы рассоримся. Если уступлю — дом будет не тот.

Я уступил.

Впервые за много лет я не узнал себя. Человек, который умеет убеждать, проиграл. Не проекту проиграл — человеку. Не аргументом — авторитетом.

Дом отодвинули вглубь. Палисадник раздулся. Задний двор сжался.

Бумага заканчивалась. Земля начиналась.

Я долго думал, что это было.

Между проектом и стройкой есть невидимый зазор, о котором в институте не рассказывают. Не про материалы. Не про ошибки в расчётах. Про человека.

Проект — продукт одного сознания. Моего. Я его выстроил, выверил, обосновал. Каждая линия там на чём-то стоит.

А стройка — продукт многих сознаний: моего, заказчика, бригадиров, поставщиков, жены заказчика, которая вечером сказала «а у Лены на даче такой красивый камень», соседа, который через забор ляпнул что-то про «зачем дом к дороге поставили». Каждый приносит на площадку свой маленький кусочек правды. И чертёж, такой стройный, попадает под коллективный пресс.

Бумага всё терпит. Земля — либо принимает решение, либо нет. И если кто-то один из многих продавливает — земля записывает его правду, а не мою.

Особенно если этот кто-то — твой наставник.

Потому что вот в чём ловушка.

С обычным заказчиком ты споришь как специалист. Он профессионал у себя, но в стройке он слушает тебя. Нормальный расклад.

А с коллегой — нет. С коллегой ты внутри его авторитета. Особенно если этот коллег тебя учил. Ты не можешь сказать «давайте по моим правилам, я специалист». Потому что он тоже специалист. И он старше. И он дольше. И когда он говорит «я в этом доме ничего страшного не вижу» — он правда не видит. Его глаз настроен на другой язык архитектуры: язык девяностых, «дом как статус», «дом как крепость», высокое крыльцо.

А ты говоришь на языке нулевых-десятых. Минимализм. Чистые линии. Приватный двор. Дом, который не кричит.

Два профессионала. Один разговор. Никакого взаимопонимания.

И тут я впервые понял: возраст — это не про опыт. Возраст — про язык. Про то, на каком языке ты научился видеть красоту. Переучиться нельзя. Нельзя убедить человека, который пятьдесят лет строил в одной эстетике, что другая эстетика — правильная. Ему, чтобы её принять, пришлось бы перестать быть собой.

После посадки правки пошли волной.

Заглубление фундамента — поднял цоколь на полметра. Аргумент: окна заваливает снегом. Я предлагал автоматиче-

ское снеготаяние по периметру — красивое инженерное решение, которое решало бы задачу, не ломая эстетику. Он отрезал:

— Не усложняй. Нужно думать проще.

Эта фраза — «думать проще» — стала ключом ко всей истории.

В ней вся философия его поколения. Для них «сложное» равно «плохое». Инженерные системы — лишние. Умный дом — баловство. Рекуперация — подозрительное слово. Даже тёплый пол во всём доме воспринимается с недоверием: «а если сломается?»

А для моего поколения «сложное» — норма. Хорошая инженерия и есть основа комфорта, а простота — это не отсутствие систем, а их незаметность.

Мы в этом месте разошлись.

Цоколь поднялся. Дом стал выше, массивнее, «солиднее» — в терминах девяностых. Пропорции поплыли.

Дальше — отделка фасада. Я закладывал баварскую кладку: красный облицовочный кирпич с игрой оттенков, от тёплого терракотового до почти коричневого, фасад живёт, дышит. Он сказал — нет, давай ровный цвет. Один тон. Получился аккуратный терракотовый кирпич, из которого ушла вся пластика.

Потом взялся за цоколь. По проекту предполагался мокрый бетон — современная поверхность, шероховатая, благородная, абсолютно тихая. Идеально работает с кирпичом.

Он сказал — нет, давай рваный камень. Тот самый, крупный, с грубой фактурой, который в девяностых клали на каждый второй коттедж.

В этот момент я попросил его о невозможном:

— Пожалуйста. Только одну вещь. Никому и никогда не говори, что я автор этого проекта.

Он посмотрел, хмыкнул:

— Да чего ты переживаешь. Дом-то красивый получается. Я же ничего принципиально не меняю. Я к твоему мнению прислушиваюсь.

Это было самое горькое. Не то, что он ломал проект, а то, что он искренне не видел, что ломает. В его картине мира мы договаривались. Он слушал. Дом получался красивым. А я в этот момент уже просил снять моё имя.

Мы разговаривали из разных реальностей, оба честно. И никто никого не обманывал. Просто эти реальности не пересекались.

Дом достроили.

Он стоит среди дворцов девяностых — высокий цоколь, рваный камень, монохромный терракотовый фасад. Спереди — большой двор, аккуратный, но пустой. Сзади — узкая полоска сада.

Объективно — он смотрится лучше соседей. В нём есть современные линии, которых у них нет. Есть чистота. Человек, который не видел мой проект, сказал бы — хороший дом.

Но у меня, как у строителя, развито пространственное мышление. Когда я смотрю на этот дом, я не могу отключить внутреннюю визуализацию того, каким он должен был быть. Я вижу оба дома сразу. Настоящий — и тот, который остался на бумаге. Они стоят рядом, один в материале, другой в голове. Разница между ними — как между песней и её демо-записью: вроде те же ноты, но совсем другое дыхание.

В такой момент накатывает обида. Не злость. Не разочарование. Обида — глухая, тихая, у которой нет адресата. Не на заказчика — он в своём праве. Не на себя — я сделал, что мог. На сам факт того, что получилось не то.

А потом я вспоминаю, как он стоит у себя на террасе, пьёт чай, смотрит на свой дом, и ему нравится. Он доволен. Ему хорошо в этом доме. Его сын и внуки ходят по этим комнатам, и им там хорошо.

И обида отступает.

Потому что дом в конце концов — не мой. Дом — его. Он в нём живёт. Это его терраса, его чай, его семья. Моя работа была не в том, чтобы сделать «красиво по моему вкусу». Моя работа была в том, чтобы он получил свой дом.

И я его ему отдал. С высоким цоколем, с рваным камнем, с монохромным фасадом. Со всеми его правками. С его «думай проще».

Это и есть, пожалуй, второе главное умение зрелого строителя — после умения сказать «нет». Умение отдать объект.

Есть одна вещь, к которой я долго шёл и которую сейчас

могу сказать честно.

Я продолжаю с ним общаться. Он в своё время был моим наставником, и по большому счёту им и остался. Когда у меня на стройке возникает инженерная проблема, которую я не могу решить современными методами, — я иногда звоню ему.

И он её решает.

Потому что у него в голове — пятьдесят лет опыта стройки, которая умела обходиться без всего: без импортных материалов, без автоматики, без сложных систем. Опыт простых решений, которые иногда прочнее сложных. Я прихожу к нему с современной задачей, он смотрит на неё глазами человека, который не знает слова «рекуперация», — и иногда находит ответ, который в моей парадигме невозможен.

«Думай проще» — это не только фраза, которая испортила мне фасад. Это ещё и фраза, которая иногда спасает мне объекты.

И я понимаю: он был не глуп, когда давил авторитетом на мой проект. Он был не прав по конкретным решениям — да. Но не глуп. У него своя правда, выстроенная десятилетиями. И эта правда работает. Просто работает не везде.

Он меня научил когда-то строить. А его дом — научил меня отдавать. Это разные уроки, и второй из них, пожалуй, тяжелее первого.

Теперь, после всего, я сформулировал для себя короткую памятку. Молодым строителям, которые спрашивают меня

«как работать с заказчиком», я пересказываю её вслух. Вот она.

1. Проект — это твоя правда. Но на стройке она становится одной из правд. Не единственной.

2. Самое раннее место, где бумага встречается с землёй, — разбивка на участке. Если заказчик захочет что-то изменить, он захочет изменить именно там. Готовься к этому разговору как к главному.

3. С коллегой-заказчиком всегда сложнее. Он давит не деньгами и не капризом, а авторитетом.

Против авторитета аргументы непробиваемы.

4. Инженерное решение может спасти эстетику — если заказчик готов его принять. Если не готов — не настаивай. Подогрев цоколя нельзя продавить лекцией.

5. Когда разговор идёт к скандалу — отступи. Не потому, что ты слабый. А потому что скандал на стройке стоит дороже любой правки фасада.

6. Ты имеешь право попросить не упоминать себя как автора. Это не поражение. Это профессиональная граница.

7. Объект в итоге — не твой. Он заказчика. Ты его построил, но жить в нём — не тебе. И если заказчик доволен — значит, главное получилось.

8. Обида — нормальное профессиональное чувство. Признать её честнее, чем изображать равнодушие. Но жить с ней в обнимку тоже не стоит.

Есть такая байка в цеху: у каждого строителя в голове сто-

ит невидимый музей его непостроенных домов. Тех, которые были на бумаге, а стали на земле чем-то другим. У меня там целый этаж. Дом наставника — один из экспонатов.

Туда никого не пускают. Туда не идёшь сам — просто иногда проходишь мимо, случайно, и видишь знакомый фасад — каким он мог бы быть. Мокрый бетон вместо рваного камня. Низкий цоколь. Баварская кладка. Ровная линия дома близко к дороге. Большой задний двор.

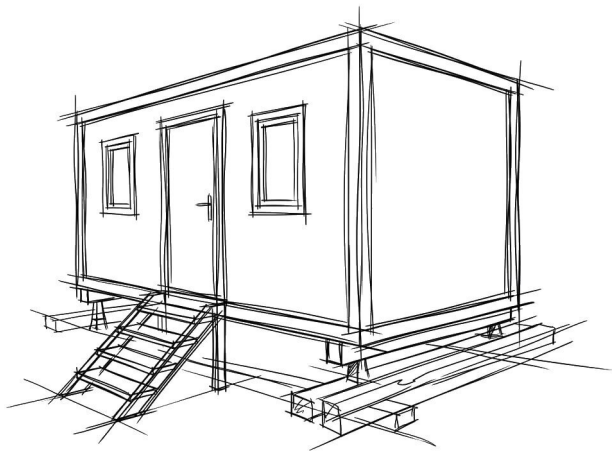
Стою там минуту. Потом выхожу.

Снаружи, на настоящей улице, стоит настоящий дом. Не тот. Другой. И в нём человек, которого я до сих пор называю наставником, заваривает чай, смотрит на снег, не заваливающий окна, и думает — хорошо получилось.

И он прав. Получилось хорошо.

Просто на бумаге было — прекрасно.

ИНТЕРЛЮДИЯ ВАГОНЧИК

На любой стройке есть вагончик прораба. Это особое место.

Снаружи — обычный бытовой контейнер: серый или синий, с дверью, с маленькими окошками, с приваренной лестенкой. Но вагончик прораба отличается. Его сразу видно.

Внутри — стол. Старый, заваленный бумагами. Пара табуреток. Чайник. Кружки разной степени отмытости. Ка-

лендарь на стене от поставщика материалов. Электрический обогреватель. Маленький холодильник, если повезло.

И запах. У каждого вагончика свой. Где-то пахнет растворимым кофе и сигаретами. Где-то — щами, потому что прораб с утра ставит на электроплитку обед. Где-то — сырым бетоном, потому что утром была заливка и спецовка прораба вся в этом. Но всегда — стройкой. Цементной пылью, опилками, бензином. Этот запах въедается в куртки, в волосы, в чертежи.

Я провёл в таких вагончиках, наверное, треть своей профессиональной жизни: сначала молодым специалистом, который заходил робко и сидел в углу, потом — главным человеком за этим столом, сейчас — гостем, который приезжает с папкой и пьёт чай из чужой кружки.

В вагончике решается всё. Самые большие вопросы стройки обсуждаются именно здесь — не в офисе, не на совещаниях, не на стройплощадке под открытым небом. Под чайник, который кипит уже третий раз за день.

Сюда приходят рабочие — отпроситься или попросить аванс. Сюда заходят поставщики — обсудить срыв поставки. Сюда заглядывают проверяющие — посмотреть документы. Сюда приезжает заказчик — иногда с претензией, иногда просто посмотреть, как идут дела.

И в вагончике у тебя нет защиты. Здесь не сядешь в кожаное кресло, не оградишь себя секретарём. Ты сидишь за обшарпанным столом напротив человека, и между вами —

кружка чая. И вот в этой простоте, в этой бытовой грубости, очень быстро становится ясно — кто перед тобой.

Много прочитать о человеке можно по тому, как он ведёт себя в вагончике. Кто-то садится на табурет с брезгливостью, осторожно, чтоб не запачкать костюм. Кто-то — обнимает кружку обеими руками и пьёт чай как родной. Один первый раз в жизни видит прорабский быт и не знает, куда деть руки. Другой — будто всю жизнь тут жил.

Я с заказчиком стараюсь обязательно посидеть в вагончике хотя бы раз. Не на этапе договора, а уже в процессе стройки. Просто посидеть, попить чая, поговорить ни о чём. Не потому, что я хочу его испытать — а потому что в вагончике, без пиджака и без презентации, разговор идёт по-другому. И мы с ним иногда за пятью кружками чая проходим расстояние, которое в офисе не прошли бы и за год.

Я люблю вагончики. Они честные. Это место, где нет архитекторов и заказчиков, нет белых воротничков и синих, нет званий и должностей. Есть только люди, чайник и общая работа.

И, может быть, всё доверие, о котором я в этой книге пишу, на самом деле начинается именно там. За столом, заваленным сметами.

Под рычанье экскаватора за стенкой. С кружкой, в которой остыл чай.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗАКАЗЧИК

За двадцать пять лет я сдал, не считая мелких работ, больше сотни объектов. Это значит — больше сотни раз я сидел напротив человека, который пришёл с одной простой просьбой:

— Построй мне дом.

И каждый раз я говорил «да», понимая: главная работа сейчас — не посчитать смету, а понять, кто передо мной. Дом — не сумма квадратных метров. Дом — материальное продолжение того, что у человека внутри. Если ты не разглядишь, что внутри, — дом получится не его. Будет стоять чужим. Аккуратным, дорогим, технически грамотным — и чужим.

Со временем я научился видеть человека быстро: достаточно двадцати минут первой встречи. Формируется профиль, направление, основной мотив. И из этого профиля я уже понимаю: на каком языке с ним говорить, какие аргументы он услышит, чего ему лучше не предлагать, а на чём наоборот настаивать.

У меня в голове сложилась простая картина. Условные четыре типа. Четыре способа жить в своём будущем доме. Я их называю: традиционалист, гедонист, эстет и независимый.

Только сразу оговорка.

Чистых типов не бывает. В каждом человеке есть все четыре, просто в разной пропорции. Тип — доминанта, а не клетка. Это просто язык, на котором мне удобнее с ним разговаривать.

Традиционалист

Их у меня было больше всего. Пожалуй, два из трёх заказчиков — традиционалисты.

Россия — страна, в которой образ «своего дома» форми-

ровался долго и трудно: советские дачи, девяностые, нулевые, картинки из глянца, поездки к тестю в деревню, дом друга в посёлке.

Вся эта мозаика складывается у заказчика в одну установку: дом должен быть как принято.

Что такое «принято» — он сам внятно сформулировать не может. Однако точно знает: вот так — ага, это нормальный дом, а вот так — нет, что-то странное.

Традиционалист считывается на первой встрече моментально. Он приходит с папкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.